

«МЯГКАЯ СИЛА» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

С.И. Белов*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕРЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Музей Победы, Москва, 121170, ул. Братьев Фонченко, 10

Изучение теоретических и прикладных аспектов феномена «мягкой силы» является в настоящий момент одним из наиболее динамично развивающихся направлений в рамках исследований проблематики силы в международных отношениях. Особое место в этих исследованиях занимают разнообразные индексы и рейтинги, призванные оценить объем и потенциал «мягкой силы» ключевых субъектов мировой политики. Однако объективность и релевантность их методик вызывает много вопросов. Цель данной работы – оценить перспективность использования наиболее распространенных подходов к измерению «мягкой силы». На конкретных примерах подробно рассмотрены достоинства и недостатки социологической и «электоральной» методик, а также технические возможности и ограничения при использовании средств киберметрии для измерения уровня «мягкой силы» того или иного субъекта международных отношений. Автор приходит к выводу, что в настоящий момент ни одна из перечисленных методик в чистом виде не может служить средством достоверной оценки «мягкой силы». Наиболее целесообразным и перспективным представляется комбинирование рейтингового, социологического и киберметрического подходов. При этом интегральную оценку уровня «мягкой силы» следует выводить путем сочетания количественных индексов, отражающих объективные показатели, результатов исследования фокус-групп, экспертных интервью и данных киберметрии, полученных посредством изучения традиционных СМИ и социальных сетей, наиболее «взвешенных», репрезентативных по отношению к общей структуре населения. Подчеркивается, что перечисленные меры могут принести ожидаемый эффект только в случае, если само понятие «мягкая сила» обретет больший уровень конвенциональности и станет доступно для полноценной операционализации. Последнее потребует организации диалога среди представителей экспертного сообщества на международном уровне.

Ключевые слова: теория международных отношений, «мягкая сила», силовой потенциал, рейтинги «мягкой силы», киберметрический анализ, рейтинговые агентства.

* Белов Сергей Игоревич – кандидат исторических наук, Музей Победы, ученый секретарь (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

На протяжении последних 27 лет «мягкая сила» является одним из наиболее популярных направлений исследований среди специалистов по международным отношениям и мировой политике. Повышенное внимание к данной теме со стороны экспертного и академического сообщества вполне объяснимо. Появление атомного оружия стало фактором, серьезно ограничившим возможность ведущих мировых держав использовать военную силу по отношению друг к другу, а процесс глобализации заметно сократил набор инструментов экономического давления на оппонентов. В этом отношении показательна взаимозависимость США и Китая. Их элиты не могут использовать весь потенциал санкционного арсенала: в Китае расположены производственные мощности ключевых американских корпораций, при этом КНР является крупнейшим держателем государственных облигаций США. В частности, после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. страны «Большой семерки» приняли против КНР пакет санкций экономического и политического характера, однако уже год спустя эти ограничения были сняты: как показала практика, в первую очередь они ударили по интересам американского, японского и европейского бизнеса. По этим причинам санкции как инструмент давления теряют универсальный характер. Их использование в полном объеме возможно лишь в отношении ограниченного круга стран при наличии соответствующей политической конъюнктуры.

Как следствие, участники мирополитического процесса были вынуждены в ускоренном темпе осваивать методологию «мягкой силы», а также обучаться сочетать ее с силовыми техниками воздействия в рамках концепции «умной силы». Этот процесс естественным образом привел к росту значимости данного фактора продвижения интересов того или иного актора на международной арене. При этом концепция «мягкой силы» органично вплелась в ряд ключевых политтехнологий, используемых для изменения политической карты мира. В качестве наглядного примера в данном случае могут выступить «цветные революции»: как правило, запуск этой технологии подразумевает наращивание объема «мягкой силы» внешних акторов, участвующих в демонтаже существующего политического режима. Чаще всего «цветным революциям» придается вид «цивилизационного выбора» в пользу определенной модели развития, ассоциируемой с конкретным внешнеполитическим актором (яркий пример – выбор между ориентацией на Россию или на Европу в случае событий на Украине в 2004 и 2013–2014 гг., в Белоруссии – в 2006 г. и т.д.). Однако для реализации такого сценария необходимо обеспечить рост привлекательности определенного

актора-эталона для целевой аудитории – потенциальных участников и сторонников протеста. Решить эту задачу позволяет реализация потенциала «мягкой силы» внешнего интересанта. За счет этого «цветные революции» обретают характер технологии smart power – «умной силы», сочетающей в себе «мягкие» и «жесткие» элементы [Бродовская и др., 2016: 58].

Рост значимости «мягкой силы» спровоцировал повышение интереса к ней, а это в свою очередь породило заинтересованность в диагностике данного явления. Вместе с тем попытки «измерить и исчислить» объем «мягкой силы» различных государств быстро убедили исследователей, что точная оценка данного показателя представляет собой весьма сложную проблему с точки зрения методологии. Результатом этого стало начало дискуссии в академических кругах и среди специалистов-практиков, продолжающейся по сей день.

К настоящему моменту существует широкий круг работ, посвященных различным аспектам «мягкой силы». В частности, А.А. Громыко предложил оригинальную трактовку данного понятия, определив его как средство воздействия, опирающееся на интеллектуальное и культурное наследие предшествующих поколений, моральные ценности и уважение к национальной идентичности и традициям всех без исключения народов мира [Громыко, 2014]. Ю.П. Давыдов обратил внимание на наличие в политике определенных границ, при пересечении которых формально «мягкая сила» трансформируется в «жесткую» (например, когда она используется для политической дестабилизации другого государства) [Давыдов, 2007]. Сходным образом к раскрытию темы подошла Е.П. Панова. Результаты проведенных ею изысканий показали, что на практике использование «мягкой силы» фактически подразумевает принуждение и применение манипулятивных технологий [Панова, 2010]. В свою очередь О.Ф. Русакова и А.В. Бочаров заняли еще более жесткую позицию: по их мнению, «мягкая сила» является одной из концептуальных основ технологии «цветных революций» (наряду со стратегией «управляемого хаоса») [Русакова, Бочаров, 2014].

Согласно позиции П.Б. Паршина концепт «мягкая сила» (в интерпретации Дж. Ная) обладает рядом внутренних противоречий, что порождает две различные его интерпретации. В одном случае «мягкая сила» трактуется как технология, используемая в мировой политике таким образом, что ее применение способствует нанесению потенциально меньшего ущерба объекту использования силы по сравнению с другими («жесткими») инструментами/технологиями. В то же время под «мягкой силой» понимается потенциал воздействия некоторого актора, обусловленный привлекательностью

его модели развития и стремлением приобщиться к его ценностям [Паршин, 2014].

В рамках изучения «мягкой силы» отдельных зарубежных стран следует отметить исследования А.В. Бакиной [Бакина, 2007], М.А. Вахрушевой [Вахрушева, 2017], С.В. Кривожиж [Кривожиж, 2012], К.П. Курылева с соавт. [Курьлев и др., 2017], Е.М. Харитоновой [Харитоновая, 2017], Ю.И. Боковой [Бокова, 2017] и С.В. Чугрова [Чугров, 2015]. Что же касается рассмотрения практики использования «мягкой силы» Россией, то хотелось бы отдельно упомянуть работы А.А. Казанцева и В.Н. Меркушева [Казанцев, Меркушев, 2008], А.И. Смирнова и И.Н. Кохтюлиной [Смирнов, Кохтюлина, 2012], а также Г.Ю. Филимонова [Филимонов, 2010].

Так, оценивая практику применения Россией своей «мягкой силы» на международной арене, А.А. Казанцев и В.Н. Меркушев пришли к выводу о «недоиспользовании» данного ресурса внешней политики. Более того, исследователи настаивают на том, что из-за отсутствия целенаправленной политики применения «мягкой силы» со стороны Кремля происходит постепенное сокращение ее потенциала [Казанцев, Меркушев, 2008]. Эти оценки перекликаются с позицией Г.Ю. Филимонова, который акцентирует внимание на наличии двух обязательных условий разработки и реализации политики «мягкой силы»: адекватной финансовой базы и осознания политической элитой необходимости соответствующих мер. По мнению исследователя, в настоящее время политика «мягкой силы» России лишена обоих этих компонентов [Филимонов, 2010].

В свою очередь А.И. Смирнов и И.Н. Кохтюлина рассматривают практику наращивания и применения «мягкой силы» в качестве одного из элементов информационных войн, настаивая на наличии у соответствующих политических практик деструктивного потенциала. Последнее подразумевает, по мнению авторов, необходимость адекватного реагирования со стороны России и соответственно пересмотра существующих подходов к политике «мягкой силы» [Смирнов, Кохтюлина, 2012].

Из числа зарубежных исследователей следует обратить внимание на работы М. Коуналакиса и А. Симони [Kounalakis, Simonyi, 2011], К. Уайтона [Whiton, 2013], Б.Дж. Маттэн [Mattern, 2005], Й. Фаня [Fan, 2008] и А. Чонга [Chong, 2007], в которых подробно освещены процессы формирования и применения «мягкой силы» различными акторами мировой политики (начиная с США и заканчивая различными исламистскими движениями), а также предложены оригинальные способы и методы классификации соответствующего внешнеполитического инструментария.

В то же время хотелось бы подчеркнуть, что непосредственно к вопросу оценки эффективности механизмов «мягкой силы» обращались достаточно немного исследователей [Леонова, 2017; Харитонова, 2015; Песцов, Бобыло, 2015], и сделанные ими выводы свидетельствуют о наличии серьезных барьеров, затрудняющих диагностику уровня «soft power» того или иного государства. Так, Е.М. Харитонова пришла к заключению, что всем существующим рейтингам «мягкой силы» присуща субъективность: их отличает западноцентричный взгляд на мир, а выводы составителей зачастую обусловлены коммерческим интересом публикующих организаций. Не самым лучшим образом на адекватность оценок экспертов влияет также отсутствие конвенционального понимания предмета исследования: в одних случаях изучается потенциал «soft power», в других – реальный эффект от использования этого ресурса на практике [Харитонова, 2015: 57–58]. О.Г. Леонова также обращает внимание на принципиальную разницу между потенциалом «мягкой силы», представляющим зачастую «вещь в себе», и реализованной политикой, являющейся уже «вещью для других». Столь разное понимание сущности «мягкой силы» сторонниками каждого из подходов обуславливает существенные различия между рейтингами, что закономерно ставит под сомнение релевантность и универсальность сделанных их авторами выводов [Леонова, 2017: 23].

Следует особо отметить вклад в развитие данной темы С.К. Песцова и А.М. Бобыло. В частности, они пришли к выводу, что одни и те же индикаторы, используемые для оценки «мягкой силы» в рамках разных рейтингов, в действительности характеризуют (оценивают) разные аспекты данного концепта. По мнению экспертов, это обстоятельство является следствием того, что содержательная трактовка концепта «мягкая сила» чрезмерно редуцирована [Песцов, Бобыло, 2015].

В этой связи представляется целесообразным в рамках данного исследования обратиться к анализу перспективности использования различных методологических подходов к оценке уровня «мягкой силы» субъектов международных отношений. Методология работы базируется на применении дескриптивного политического анализа, а в качестве теоретической основы выступает концепция «мягкой силы» Дж. Нае.

* * *

Термин «мягкая сила» был введен в научный оборот американским политологом Дж. Наем. Исследуя современные военные и политические конфликты, ученый сделал концептуальный вывод относительно структуры политической силы, разделив ее на два

типа – «жесткую» и «мягкую». Первый основывается на применении насилия или на страхе перед ним, второй – на привлекательности субъекта для окружающих. Реализация «мягкой силы», как считает Дж. Най, возможна при наличии у актора ресурсов трех типов: желанной для внешнего окружения массовой и/или элитарной культуры, системы политических ценностей (политической идеологии) и внешней политики, характеризуемой такими признаками, как легитимность и моральный авторитет [Nye, 1990: 167; 2011: 90–94]. Впоследствии эта триада была дополнена новыми элементами в рамках различных подходов. Наибольшей популярностью среди российских исследователей в настоящий момент пользуется модель, расширяющая спектр «мягкой силы» за счет таких компонентов, как привлекательность национальной системы образования (в первую очередь высшего) для граждан других государств и инновационный характер экономики [Смирнов, Кохтюлина, 2012: 57].

В настоящее время «мягкая сила» чаще всего рассчитывается с помощью интеграции показателей, уже зафиксированных в рамках определенных индексов и лишь дополняемых данными социологии. В качестве примеров применения такого подхода можно привести рейтинг «мягкой силы» «Monocle Magazine» и совместный проект компании «Ernst & Young» и Института исследования быстроразвивающихся рынков «Сколково» [Песцов, Бобыло, 2015: 108]. При всех достоинствах данного подхода (таких как широкое применение количественных методов и опора на эмпирический материал, доступный для верификации и фальсификации) необходимо отметить, что по целому ряду причин его адекватность можно поставить под сомнение.

Методика расчета многих индексов спорна, а составителей даже самых авторитетных рейтингов не раз обвиняли в политической ангажированности или преследовании определенных коммерческих интересов. Индексы и рейтинги давно уже превратились в инструмент накопления «charts power» или «index power», т.е. обрели во многом манипулятивный характер. В качестве иллюстраций можно привести следующие эпизоды. В соответствии с рейтингами Всемирного банка за 2010–2011 гг. уровень политической стабильности России оказался вдвое ниже, чем у «предреволюционного» Туниса, а компания «Maplecroft» в своем «Индексе политического риска» за 2011 г. включила РФ в десятку стран с экстремальным уровнем политических рисков [Иванов, Иванова, 2015: 51]. Такие структуры, как «Moody's», «Standard & Poor's» и «Fitch», неоднократно подвергались критике со стороны властей США, государств ЕС и Еврокомиссии. Более того, с этой критикой в итоге согласились

сами компании. В частности, руководство агентства «Moody's» официально признало ошибки в составлении рейтингов ценных бумаг в 2000-х годах и выплатило американским властям штраф в размере 864 млн долл.¹ Перечисленные эпизоды наглядно подтверждают недопустимость безусловного доверия к подобным рейтингам. Кроме того, необходимо помнить о том, что достоверность рейтинговых оценок ставит под сомнение и целая череда крупных ошибок, допущенных при анализе устойчивости национальных экономик за последнее десятилетие. В частности, упомянутые агентства «большой тройки» не смогли диагностировать развитие кризисных тенденций в экономике в 2008, 2010 и 2012 гг., что серьезно подорвало их авторитет [Иванов, Иванова, 2015: 51].

Не следует забывать и о специфике методов составления конкретных рейтингов. Например, как отмечает Е.М. Харитонова, при подготовке рейтинга «Monocle Magazine» результатам массовых опросов придается второстепенное значение. При этом корректность самой процедуры социологического исследования весьма спорна: объем выборки в ходе опроса, проводимого в 20 странах мира, составляет 7500 человек. Для сравнения: результаты всероссийских исследований отечественного «трио полстеров» (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр) основываются на выборках размером около 1500–1600 человек. Иными словами, сама репрезентативность выборки, изученной в процессе составления рейтинга, может быть поставлена под сомнение с учетом размеров генеральной совокупности².

Закономерным результатом обозначенных обстоятельств становится появление отчетов, содержание которых невольно провоцирует недоверие со стороны экспертного сообщества. Откровенное недоумение вызывает, например, рейтинг компании «Portland» за 2015 г., в котором Китай занял лишь 30-е место, уступив Турции, Чехии, Польше, Новой Зеландии и Австралии. Последние две страны при этом заняли 16-е и 6-е места соответственно³.

* * *

Перечисленные проблемы заставляют задуматься о возможности создания альтернативы существующим моделям оценки «мягкой силы». На первый взгляд, ее (а точнее, ее реализованный потенциал)

¹ Буревестники кризиса. Как действия рейтинговых агентств привели мир к финансовому краху // Lenta.ru. 17.01.2017. Доступ: <https://lenta.ru/articles/2017/01/17/rating/> (дата обращения: 22.02.2018).

² Харитонова Е.М. Рейтинг «мягкой силы» The Soft Power 30 // ИМЭМО. 22.07.2015. Доступ: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1773 (дата обращения: 22.02.2018).

³ Overall Ranking 2015 // Soft Power. Available at: https://softpower30.com/?country_years=2015 (accessed: 26.02.2014).

можно было бы измерить путем проведения комплексных социологических исследований, в которых применение количественных методов комбинировалось бы с использованием методов качественных. Однако перспективность этого подхода также вызывает сомнения. Необходимо учитывать, что, по справедливому замечанию С.К. Песцова и А.М. Бобыло, сама операционализация понятия «мягкая сила» на сегодняшний день остается не вполне ясной для экспертного сообщества, и это в принципе затрудняет измерение данного явления путем проведения социологического исследования [Песцов, Бобыло, 2015: 114].

Нужно также понимать, что реализация подобного проекта потребовала бы регулярных (и весьма существенных) финансовых вливаний. Размеры репрезентативной выборочной совокупности в рамках исследования такого масштаба должны носить поистине «астрономический» характер, в силу чего одно лишь проведение массового опроса потребует значительных затрат. Решить эту проблему можно было бы путем включения компактного блока вопросов в анкету крупного полстера, проводящего еженедельные и ежемесячные опросы общенационального уровня. Такого рода практики распространены достаточно широко. Российский ВЦИОМ, в частности, предоставляет подобные услуги, включая оплаченные блоки в анкеты опросов «Спутник» и «Экспресс». Однако, во-первых, разработчику вопросов все равно придется пойти на существенные затраты. Чем больше оплачивается опрос, тем, как правило, выше он находится в анкете. Соответственно попытка сэкономить может обернуться размещением соответствующих вопросов только ближе к концу оплаченной анкеты. Как следствие, увеличатся риски того, что уставший респондент ответит на них «автоматически» либо его состояние иным образом будет способствовать искажению информации (например, он неправильно поймет содержание вопроса). Во-вторых, компактный блок вопросов даст лишь ограниченный набор данных, что существенно уменьшит возможность их интерпретации (значительная часть выводов будут носить характер гипотез)⁴.

Кроме того, потребовалось бы заранее нейтрализовать факторы, традиционно снижающие результативность социологических изысканий: стремление респондента дать социально одобряемый ответ, наличие внутри генеральной совокупности группы «молчунов», упорно не желающих делиться собственным мнением, и т.д.

⁴ Ежемесячный всероссийский опрос «Экспресс» // ВЦИОМ. Доступ: <https://wciom.ru/index.php?id=34> (дата обращения: 17.04.2018); Ежедневный всероссийский опрос «СПУТНИК» // ВЦИОМ. Доступ: <https://wciom.ru/research/research/sputnik> (дата обращения: 17.04.2018).

Тот факт, что перечисленные проблемы влияют на результаты исследований, подтверждается очевидными ошибками, допущенными социологами в ходе президентских выборов в США в 2016 г. (и проходивших ранее праймериз республиканцев), парламентских выборов в Израиле в 2015 г., выборов в Палату представителей Конгресса Соединенных Штатов в 2014 г., выборов мэра Москвы в 2013 г. и т.д. Принципиально важно подчеркнуть, что речь идет не просто о расхождении общих официальных результатов с прогнозами социологов (разница между ними в ряде случаев равна допустимой погрешности). В частности, по итогам президентских выборов в США значительное несоответствие прогнозируемых и реальных результатов было зафиксировано в штатах Огайо и Флорида (в совокупности дающих 47 голосов выборщиков из 538). В Огайо Х. Клинтон, которой предрекали победу в этом штате, получила менее 44% голосов. Во время референдума относительно выхода Великобритании из Евросоюза в Шотландии и северных графствах Англии явка также оказалась заметно выше ожидаемой, что в итоге сказалось на результатах голосования⁵. Накануне выборов мэра Москвы ФОМ прогнозировал явку в районе 45%, но в реальности на избирательные участки пришли 32% избирателей⁶. Особенно показателен пример расхождения между реальными данными и ожидаемым результатом в случае упомянутых выборов в парламент Израила: несоответствие было зафиксировано в том числе на уровне экзит-полов, они также существенно расходились с итогом голосования⁷. Нельзя обойти вниманием и парламентские выборы в Великобритании в мае 2015 г. Согласно результатам

⁵ Итоги референдума о членстве Великобритании в ЕС. Хроника событий // ТАСС. 23.06.2016. Доступ: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3392985> (дата обращения: 17.04.2018).

⁶ Глава ФОМ признал провал социологов при прогнозировании явки в Москве // Взгляд. 10.09.2013. Доступ: <https://vz.ru/news/2013/9/10/649628.html> (дата обращения: 17.04.2018).

⁷ Дональд Трамп победил Хиллари Клинтон. Как это было // Медуза. 08.11.2016. Доступ: <https://meduza.io/live/2016/11/08/den-i-noch-vyborov-v-ssha-onlayn> (дата обращения: 17.04.2018); Дональд Трамп победил на выборах в США // Эксперт. 09.11.2016. Доступ: <http://expert.ru/2016/11/9/velikaya-noyabrskaya-revolyuetsiya/> (дата обращения: 17.04.2018); Триумф Трампа: почему американцы выбрали неожиданного президента // РБК. 10.11.2016. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/10/11/2016/58248aed9a7947829a862787> (дата обращения: 17.04.2018); Стенограмма дискуссии в Центре социологии управления и социальных технологий. Выборы в США и т.н. «кризис социологии» // Институт социологии РАН. Доступ: http://www.isras.ru/index.php?page_id=2717 (дата обращения: 17.04.2018); Выборы в Москве. Социологический казус // ФОМ. 12.09.2013. Доступ: <http://fom.ru/blogs/11079> (дата обращения: 17.04.2018); Внезапный «Брекзит»: Что не так с опросами общественного мнения // Bird In Flight. 27.06.2016. Доступ: <https://birdinflight.com/ru/mir/20160627-cto-ne-tak-s-oprosami-obshhestvennogo-mneniya.html> (дата обращения: 17.04.2018).

соцопросов консерваторы и лейбористы могли рассчитывать на приблизительно равное количество мест в Палате общин, однако в итоге тори получили 331 мандат, а соратники Э. Милибэнда — лишь 232⁸.

Взаимосвязь перечисленных «факторов ошибки» и случаев значительного снижения достоверности массовых опросов хорошо иллюстрирует кейс выборов президента Соединенных Штатов в 2016 г. Многие респонденты боялись открыто признаться в поддержке Д. Трампа (имела место так называемая проблема культурного доминирования). При этом социологи уделили недостаточно внимания опросу граждан, уклоняющихся от участия в социологических исследованиях, среди которых была весьма велика доля «красношеих» американцев, в массе своей поддерживавших кандидата от республиканцев. В то же время в выборке возник перекокс в сторону потенциальных сторонников Х. Клинтон (представители среднего класса с высшим образованием, обладающие материальным достатком), которые более охотно участвовали в опросах. Возникшая диспропорция не была должным образом устранена путем взвешивания результатов⁹.

Серьезные риски связаны и с корректностью перевода вопросов: малейшее искажение формулировок легко может спровоцировать непредусмотренную или неожиданную реакцию со стороны респондента. Неслучайно в инструкциях для интервьюеров (в частности, российских полстеров) четко записан запрет на любое искажение как самой формулировки вопроса, так и вариантов ответа (если речь идет о закрытом вопросе). Например, термин, используемый в русскоязычном варианте текста, не должен быть заменен на синоним, имеющий иную ценностную окраску, или же на политкорректный эвфемизм. Необходимо также учитывать уровень знаний жителей зарубежных стран относительно ситуации на постсоветском пространстве: для достаточно большого числа респондентов, например, понятие «русский» ассоциируется со всеми без исключения выходцами из бывших союзных республик. Следует помнить и о том, что реализация такого рода проекта непременно потребует от организаторов обращения к услугам зарубежных компаний-аутсорсеров, значительная часть которых аффилированы с местными политическими структурами.

⁸ Консервативный мандат на пять лет // Эксперт. 18.05.2015. Доступ: <http://expert.ru/expert/2015/20/konservativnyj-mandat-na-pyat-let/> (дата обращения: 17.04.2018).

⁹ Труд социологов дискредитировали ошибки на выборах президента США и Brexit // URA.ru. 14.11.2016. Доступ: <https://ura.news/news/1052267568> (дата обращения: 17.04.2018).

Отдельные эксперты-практики предлагают иной способ решения проблемы. Так, директор Фонда прогрессивной политики О.В. Бондаренко предлагает использовать для оценки уровня «мягкой силы» России результаты выборов. В соответствии с этим подходом уровень поддержки избирателями «пророссийски настроенных» партий и кандидатов должен отображать количественные характеристики «мягкой силы» Кремля на данной территории¹⁰. Этот подход весьма удобен, однако корректность его применения вызывает большие вопросы.

Во-первых, он игнорирует саму теорию, концептуальное понимание «мягкой силы», во многом упрощая это понятие. Данный термин интерпретируется исключительно как возможность косвенным образом влиять на политику других государств с помощью электоральных процедур. При этом не принимается во внимание наличие у «мягкой силы» таких структурных элементов, как система образования (в первую очередь высшего) и популярная культура (детерминирующая в том числе образ жизни и идентичность реципиента). Во-вторых, сторонники «электорального подхода» (помимо О. Бондаренко среди них также можно упомянуть М. Голованова и И. Гращенкова) не могут привести эмпирически обоснованного доказательства того, что между количеством голосов, отданных за кандидата или партию, и его позицией по отношению к России существует высокий коэффициент корреляции. Тем самым игнорируется возможность того, что уровень поддержки «пророссийского» актора может обуславливаться принципиально другими факторами, например его позицией по вопросам внутренней политики¹¹.

Заслуживает внимания то, что сторонники указанного подхода апеллируют преимущественно к опыту изучения результатов выборов в странах, в которых проживают много выходцев из бывшего СССР (Германия, Израиль, США). Понимание сущности «мягкой силы» России в данном случае фактически сужается до воздействия на результаты выборов через мобилизацию диаспоры (лояльность которой к официальным российским властям может служить поводом для дискуссий). И это закономерно ставит под вопрос универсальность данного подхода к измерению уровня «мягкой силы». Наконец, стоит помнить о том, что ее влияние зачастую распро-

¹⁰ Семинар «“Мягкая сила” России: сильные и слабые стороны» // ИСТИНА. Доступ: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/96607663/> (дата обращения: 22.02.2018).

¹¹ Бондаренко О., Голованов М., Гращенков И. После Меркель: «Гибель богов» немецкой политики // Фонд прогрессивной политики. 27.10.2017. Доступ: <https://progresspolicy.ru/posle-merkel-gibel-bogov-nemetskoj-politiki/> (дата обращения: 17.04.2018).

страняется на широкую аудиторию, не испытывающую особого интереса к участию в публичной политике (примером этого могут служить поклонники японской и корейской массовой культуры в России и странах Запада)¹².

Впрочем, следует признать, что эпизодически сторонники «электорального подхода» пытаются расширить границы сформулированного ими определения «мягкой силы». Например, О.В. Бондаренко предлагает использовать для продвижения интересов России на международной арене такие политические бренды, как «консерватизм» и «коммунизм», которым он дает оригинальную трактовку. В первом случае речь идет о формировании и последующем продвижении образа России как государства, выступающего в защиту «традиционных ценностей», во втором — об использовании памяти о Советском Союзе, восприятия РФ в качестве «наследника» СССР. Однако практические предложения, сформулированные в рамках данной концепции, опять же обращены преимущественно к зарубежным элитам. Речь ведется преимущественно о сотрудничестве с политическими партиями правого и левого толка¹³.

* * *

Еще один способ измерения и оценки «мягкой силы» — применение методов киберметрии. Ее инструменты позволяют на сегодняшний день исследовать не только большинство электронных социальных медиа, но и традиционные СМИ, все более ориентирующиеся на формат интернет-изданий. В пользу этого метода говорит в первую очередь стремительный рост уровня информатизации и диджитализации всех сфер человеческой жизни, который позволит уже в ближайшие десятилетия сделать возможной экстраполяцию данных, полученных при изучении интернет-контента, на все население в большинстве стран мира. Помимо этого следует отметить, что методики, применяемые в ходе киберметрического анализа, строго соответствуют принципам бихевиоризма, а это гарантирует высокий уровень достоверности полученных данных [Бродовская и др., 2017: 103, 104; Мицкевич, 2017: 120].

В то же время необходимо помнить о том, что использование киберметрии также ограничивается рядом барьеров (здесь и далее автор опирается на собственный опыт проведения киберметрических исследований с помощью сервисов мониторинга социальных медиа «IQbuzz» и «Медиалогия», данные технического директора

¹² Семинар «“Мягкая сила” России: сильные и слабые стороны» // ИСТИНА. Доступ: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/96607663/> (дата обращения: 22.02.2018).

¹³ Там же.

ООО «Технологии репликации» В.С. Березуцкого¹⁴, на также на результаты обмена наблюдениями с сотрудниками лаборатории социального компьютеринга Института перспективных исследований МПГУ). В настоящий момент программное обеспечение еще не позволяет распознавать содержание видеоматериалов, что автоматически исключает из сферы охвата киберметрии значительную часть контента (зачастую тематические видеоролики даже не имеют ключевых слов поискового запроса в своем названии). Кроме того, существуют механизмы, ограничивающие доступ киберметрических сервисов к конкретным ресурсам. В частности, большинство существующих программ в принципе не способны считывать полную информацию с постов, размещенных в «Фейсбуке». Доступные исследователям программы не обладают способностью автоматически отделять записи, оставленные реально существующими людьми, от контента, размещенного с «фейковых» аккаунтов, идет ли речь о киберсимулякрах, управляемых людьми-операторами, или страницах, созданных нейросетями. Значительные риски несут и темпы развития последних. Велика вероятность того, что уже в среднесрочной перспективе нейросети будут способны создавать «ботов», полностью имитирующих поведение реального человека в социальных сетях. Обращает на себя внимание и несовершенство имеющихся алгоритмов кластеризации контента по событиям и оценки тональности сообщений. Это порождает необходимость привлечения к обработке первичного материала киберметрии людей-аналитиков (что подразумевает наличие существенных временных затрат). Наконец, нужно иметь в виду, что с учетом мультязычного характера поисковых запросов аналитикам при обработке выгрузки в обязательном порядке потребуются услуги переводчиков либо организатору исследования понадобятся одновременно несколько исследовательских коллективов, параллельно проводящих исследования в конкретных языковых сегментах масс-медиа.

* * *

На основании изложенного можно заключить, что ни один из подходов, потенциально применимых для оценки уровня «мягкой силы», в настоящий момент не соответствует жестким критериям объективности и достоверности. Как результат, все существующие рейтинги «мягкой силы» можно рассматривать как относительные, не имеющие абсолютного значения. Именно это обстоятельство,

¹⁴ Березуцкий В.С. Информационные технологии организации «цветных революций» и противодействия им // YouTube. 10.10.2017. Доступ: <https://www.youtube.com/watch?v=QBoZeWl7SM4> (дата обращения: 17.04.2018).

очевидно, служит источником формирующегося в экспертной среде запроса на модернизацию методики оценки «мягкой силы».

В данной ситуации представляется возможным вынести на обсуждение экспертного сообщества идею комбинирования перечисленных подходов. Интегральную оценку уровня «мягкой силы», например, можно выводить на основе сочетания индексов, отражающих объективные количественные показатели (такие как количество обучающихся в вузах студентов-иностранцев или объем зарубежных инвестиций в инновационные отрасли экономики), результатов качественных социологических исследований (фокус-групп и экспертных интервью) и данных киберметрических изысканий, базирующихся на изучении наиболее массовых традиционных медиа и самых «взвешенных», репрезентативных по отношению к общей структуре населения социальных сетей. Кроме того, весьма перспективной представляется идея изучения уровня «мягкой силы» с помощью методов киберметрии в рамках конкретных макросоциальных групп с учетом специфики их предпочтений относительно источников получения информации и способов проведения онлайн-досуга.

В настоящий момент методы киберметрии в принципе не применяются при изучении уровня «мягкой силы». Это само по себе снижает достоверность результатов исследований, а уже в среднесрочной перспективе может обернуться еще более негативными последствиями. Следует понимать, что по мере роста проникновения интернета и смены поколений уровень значимости «новых медиа» будет лишь возрастать, в силу чего по своему значению они уже больше не будут уступать телевидению, радио и периодической печати. В этих условиях представляется крайне важным заранее приспособить исследовательский инструментарий к меняющейся структуре коммуникационного пространства.

Отдельно также необходимо упомянуть о скрытых ресурсах киберметрии. Как правило, внимание исследователей сосредотачивается на социальных сетях и электронных версиях печатных изданий. При этом совершенно игнорируется то, что наращивание «мягкой силы» происходит не в последнюю очередь за счет экспорта массовой культуры. Музыка, кинематографические произведения, комиксы и книги – благодаря интернету все эти ресурсы стали гораздо более доступны. Торрент-трекеры представляют собой не просто инструмент нарушения авторских прав. Это также средство получения контента, который иным образом для большинства пользователей практически недоступен. В частности, именно благодаря такого рода ресурсам в Россию активно проникает культура стран Восточной Азии (в форме дорам, манги, аниме и т.д.).

Однако экспертное сообщество до сих пор не обращалось к данному вопросу.

Как представляется, перечисленные меры принесут ожидаемый результат лишь в случае, если само понятие «мягкая сила» обретет больший уровень конвенциональности и станет наконец доступно для полноценной операционализации. Необходимым условием для этого является организация диалога на международном уровне как среди представителей экспертного сообщества, так и между специалистами-практиками. В качестве оптимальных площадок для этого могли бы выступить существующие международные и национальные объединения политологов и политконсультантов. Впрочем, необходимо признать, что даже если по какой-либо причине такого рода дискуссия будет инициирована, не существует гарантии ее завершения в конструктивном ключе. Наконец, следует понимать, что решение вопросов на столь высоком уровне вполне может растянуться на десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакина А. США: к вопросу о «мягкой» и «жесткой» силе в условиях глобального доминирования // *Власть*. 2007. № 7. С. 92–98.

2. Бокова Ю.И. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Корея // *Дневник АШПИ*. 2017. № 33. С. 93–97.

3. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Синяков А.В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 5 (141). С. 79–104.

4. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пономарев Н.А., Шаповалов В.Л. Технология организации движения ЭлектрикЕреван-2015: результаты анализа интернет-контента // *Локус. Люди. Общество. Культуры. Смыслы*. 2016. № 1. С. 57–67.

5. Вахрушева М.А. «Мягкая сила» во внешней политике Катара // *Дневник АШПИ*. 2017. № 33. С. 98–101.

6. Громько А.А. «Мягкая сила» и сила права: к постановке проблемы // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2014. № 3. С. 3–19.

7. Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2007. № 1. С. 3–24.

8. Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // *Инициативы XXI века*. 2012. № 3. С. 135–137.

9. Иванов В.Г., Иванова М.Г. «Charts power» – страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть I // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2015. № 2. С. 36–51.

10. Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. Политические исследования. 2008. № 2. С. 122–135.
11. Кривохиж С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2012. № 3. С. 103–112.
12. Курылев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А. «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 2. С. 46–55.
13. Леонова О.Г. «Мягкая сила», ее индикаторы и инструменты измерения // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 2. № 2. С. 15–23.
14. Лю Ц. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155.
15. Мицкевич А. К вопросу о сущности и истоках политической медиаметрии // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2017. № 16. С. 109–121.
16. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 91–97.
17. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 14–21.
18. Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 108–114.
19. Русакова О.Ф., Бочаров А.В. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теории soft power, управляемого хаоса и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. № 4. С. 42–47.
20. Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М.: ВНИИгеосистем, 2012.
21. Соловьев Э.Г. «Человеческая безопасность» и «мягкая сила» во внешней политике РФ // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 72–77.
22. Филимонов Г.Ю. Стратегия национальной культурной безопасности и «мягкая сила» современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 3. С. 61–72.
23. Харитоновна Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1 (26). С. 5–20.
24. Харитоновна Е.М. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 6. С. 48–58.
25. Чугров С.В. Мягкое притяжение Японии // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 53–67.
26. Chong A. Foreign policy in global information space. Actualizing soft power. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

27. Fan Y. Soft power: Power of attraction or confusion? // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2008. Vol. 4. No. 2. P. 147–158.
28. Keohane R., Nye J. Power and interdependence. World politics in transition. Boston: Little Brown and Company, 1977.
29. Kounalakis M., Simonyi A. The hard truth about soft power // *Perspectives on Public Diplomacy*. 2011. No. 5. P. 69–80.
30. Mattern B.J. Why soft power isn't so soft: Representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics // *Millennium: Journal of International Studies*. 2005. Vol. 33. No. 3. P. 583–612.
31. Nye J. The future of power. New York: Public Affairs, 2011.
32. Nye J.S. Soft power // *Foreign Policy*. 1990. No. 80. P. 153–171.
33. Whiton C. Smart power between diplomacy and war. Washington: Potomac Books Inc., 2013.

S.I. Belov

METHODS OF MEASURING 'SOFT POWER'

*The Victory Museum,
10 Brothers Fonchenko str., Moscow, 121170*

Examination of both theoretical and practical aspects of 'soft power' is currently one of the most dynamic research fields within studies of power in international relations. Much of scholarly attention is drawn to various indexes and ratings, designed to evaluate the 'soft power' of the leading actors of world politics. However, credibility and relevance of their respective methodologies continue to raise concern. This paper addresses the most common approaches to measuring 'soft power'. With concrete examples the author examines the strengths and weaknesses of sociological and 'electoral' approaches, as well as technical capacities and limitations of cybermetrics intended to measure the level of 'soft power' of an international actor. The author concludes that none of these methods could be a single most effective means of assessing 'soft power', and a combination of rating research, sociological approach and cybermetrics seems most appropriate and promising. An integral index of 'soft power' should be inferred by a combination of quantitative indexes, representing objective indicators, interviews with experts and focus groups, and cybermetrics, based on the study of the most representative media, both traditional and social media. The author emphasizes that the outlined measures could bring expected results only if the notion of 'soft power' becomes more conventional and fully operational. This, however, will require a dialogue among experts at the international level.

Keywords: international relations theory, 'soft power', power potential, 'soft power' ratings, cybermetrics analysis, rating agency.

About the author: *Sergey I. Belov* – PhD (History), Academic Secretary, The Victory Museum (e-mail: belov2006s@yandex.ru).

REFERENCES

1. Bakina A. 2007. SShA: k voprosu o 'myagkoi' i 'zhestkoi' sile v usloviyakh global'nogo dominirovaniya [The United States: 'Soft' and 'hard' power in situation of global domination]. *Vlast'*, no. 7, pp. 92–98. (In Russ.)
2. Bokova Yu.I. 2017. 'Myagkaya sila' vo vneshnei politike Respubliki Koreya ['Soft power' in foreign policy of the Republic of Korea]. *Dnevnik AShPI*, no. 33, pp. 93–97. (In Russ.)
3. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Karzubov D.N., Sinyakov A.V. 2017. Razvitie metodologii i metodiki intellektual'nogo poiska tsifrovyykh markerov politicheskikh protsessov v sotsial'nykh media [Developing methodology for 'smart' search for political process markers in social media]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 5 (141), pp. 79–104. (In Russ.)
4. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Ponomarev N.A., Shapovalov V.L. 2016. Tekhnologiya organizatsii dvizheniya ElektrikErevan-2015: rezul'taty analiza internet-kontenta [Organization technology of ElektrikErevan-2015 movement: Results of the Internet content analysis]. *Lokus. Lyudi. Obshchestvo. Kul'tury. Smysly*, no. 1, pp. 57–67. (In Russ.)
5. Vakhrusheva M.A. 2017. 'Myagkaya sila' vo vneshnei politike Katara ['Soft power' in foreign policy of Qatar]. *Dnevnik AShPI*, no. 33, pp. 98–101. (In Russ.)
6. Gromyko A.A. 2014. 'Myagkaya sila' i sila prava: k postanovke problemy ['Soft power' vs power of law: Introductory essay]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 3, pp. 3–19. (In Russ.)
7. Davydov Yu.P. 2007. 'Zhestkaya' i 'myagkaya' sila v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Hard power and soft power in international relations]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 1, pp. 3–24. (In Russ.)
8. Zvyagina D.A. 2012. 'Myagkaya sila': strukturnyi analiz ['Soft power': Structural analysis]. *Initsiativy XXI veka*, no. 3, pp. 135–137. (In Russ.)
9. Ivanov V.G., Ivanova M.G. 2015. 'Charts power' – stranovye reitingi kak ekonomicheskoe oruzhie i instrument myagkoi sily. Chast' I ['Charts power' – international ratings as an economic weapon and a tool of soft power. Part I]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, no. 2, pp. 36–51. (In Russ.)
10. Kazantsev A.A., Merkushev V.N. 2008. Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya 'myagkoi sily' [Russia and the post-Soviet space: Perspectives of applying 'soft power']. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 122–135. (In Russ.)
11. Krivokhizh S.V. 2012. 'Myagkaya sila' i publichnaya diplomatiya v teorii i vneshnepoliticheskoi praktike Kitaya [Soft power and public diplomacy in theory and foreign policy of China]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*, no. 3, pp. 103–112. (In Russ.)
12. Kurylev K.P., Nikulin M.A., Goncharova A.A. 2017. 'Myagkaya sila' kul'turnoi diplomatii islamskoi respubliki Iran [The 'soft power' of cultural diplomacy of the Islamic Republic of Iran]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo*

oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki, no. 2, pp. 46–55. (In Russ.)

13. Leonova O.G. 2017. ‘Myagkaya sila’, ee indikatory i instrumenty izmeneniya [‘Soft power’, its indicators and measurement tools]. *Ekonomika i upravlenie: Problemy, resheniya*, vol. 2, no. 2, pp. 15–23. (In Russ.)

14. Liu Z. 2009. ‘Myagkaya sila’ v strategii razvitiya Kitaya [‘Soft power’ in China’s development strategy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 149–155. (In Russ.)

15. Mitskevich A. 2017. K voprosu o sushchnosti i istokakh politicheskoi mediametrii [On the essence and origins of political mediametry]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly*, no. 16, pp. 109–121. (In Russ.)

16. Panova E.P. 2010. Sila privlekatel’nosti: ispol’zovanie ‘myagkoi vlasti’ v mirovoi politike [Power of attraction: The use of ‘soft power’ in world politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 4, pp. 91–97. (In Russ.)

17. Parshin P.B. 2014. Dva ponimaniya ‘myagkoi sily’: predposylki, korrelyaty i sledstviya [Two understandings of ‘soft power’: Prerequisites, correlates, and consequences]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 2, pp. 14–21. (In Russ.)

18. Pestsov S.K., Bobylo A.M. 2015. ‘Myagkaya sila’ v mirovoi politike: problema operatsionalizatsii teoreticheskogo kontsepta [‘Soft power’ in contemporary world politics: Theoretical concept operationalization issue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 2 (34), pp. 108–114. (In Russ.)

19. Rusakova O.F., Bocharov A.V. 2014. Kontseptual’nye osnovaniya strategii tsvetnoi revolyutsii: teorii soft power, upravlyаемого khaosa i mediatizatsii politiki [Conceptual bases of color revolution’s strategy: Theories of soft power, controlled chaos, and policy mediatizing]. *Sotsium i vlast’*, no. 4, pp. 42–47. (In Russ.)

20. Smirnov A.I., Kokhtyulina I.N. 2012. *Global’naya bezopasnost’ i ‘myagkaya sila 2.0’: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii* [Global security and ‘soft power 2.0’: Challenges and opportunities for Russia]. Moscow, VNIIGeosistem Publ. (In Russ.)

21. Solov’ev E.G. 2010. ‘Chelovecheskaya bezopasnost’ i ‘myagkaya sila’ vo vneshnei politike RF [‘Human security’ and ‘soft power’ in the foreign policy of Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 4, pp. 72–77. (In Russ.)

22. Filimonov G.Yu. 2010. Ctrategiya natsional’noi kul’turnoi bezopasnosti i ‘myagkaya sila’ sovremennoi Rossii [Strategy of national cultural security and modern Russia’s ‘soft power’]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 61–72. (In Russ.)

23. Kharitonova E.M. 2017. ‘Myagkaya sila’ Velikobritanii: sravnitel’nyi analiz mekhanizmov, instrumentov i praktik [British ‘soft power’: Comparative analysis of instruments, mechanisms, and practices]. *Sravnitel’naya politika*, vol. 8, no. 1 (26), pp. 5–20. (In Russ.)

24. Kharitonova E.M. 2015. Effektivnost’ ‘myagkoi sily’: problema otsenki [Soft power effectiveness: Problem of evaluation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 6, pp. 48–58. (In Russ.)

25. Chugrov S.V. 2015. Myagkoe prityazhenie Yaponii [Soft attraction of Japan]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 53–67. (In Russ.)
26. Chong A. 2007. *Foreign policy in global information space. Actualizing soft power*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
27. Fan Y. 2008. Soft power: Power of attraction or confusion? *Place Branding and Public Diplomacy*, vol. 4, no. 2, pp. 147–158.
28. Keohane R., Nye J. 1977. *Power and interdependence. World politics in transition*. Boston, Little Brown and Company.
29. Kounalakis M., Simonyi A. 2011. The hard truth about soft power. *Perspectives on Public Diplomacy*, no. 5, pp. 69–80.
30. Mattern B.J. 2005. Why soft power isn't so soft: Representational force and the sociolinguistic construction of attraction in world politics. *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 33, no. 3, pp. 583–612.
31. Nye J. 2011. *The future of power*. New York, PublicAffairs.
32. Nye J.S. 1990. Soft power. *Foreign Policy*, no. 80, pp. 167.
33. Whiton C. 2013. *Smart power between diplomacy and war*. Washington, Potomac Books Inc.